

0-785620

На правах рукописи



Иванов Евгений Александрович

**ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ**

Специальность 09.00.01 – онтология и теория познания

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Чебоксары – 2010

Работа выполнена на кафедре философии и истории ГОУ ВПО
«Самарский государственный архитектурно-строительный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук
Гурьянова Анна Викторовна
ГОУ ВПО «Самарский государственный
архитектурно-строительный университет»

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Маслихин Александр Витальевич
ГОУ ВПО «Марийский государственный
университет»



кандидат философских наук
Баранов Александр Сергеевич
ГОУ ВПО «Московский государственный
университет технологий и управления»
филиал в г. Чебоксары

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Самарская государственная
сельскохозяйственная академия»

Защита диссертации состоится «17» декабря 2010 года в 15:00 ча-
сов на заседании диссертационного совета Д 212.301.04 в ФГОУ ВПО
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» по
адресу: 428015 г. Чебоксары, Московский проспект, д. 15, ауд. Г-205,
зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени
И.Н. Ульянова».

Сведения о защите и автореферат диссертации размещены на офи-
циальном сайте ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет
имени И.Н.Ульянова» <http://www.chuvsu.ru>.

Автореферат разослан «16» ноября 2010 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук, доцент

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'А.Г. Степанов'.

Степанов А.Г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Постмодернизм – одно из самых значимых общекультурных явлений второй половины XX – начала XXI вв. Он оказал влияние на все сферы жизнедеятельности современного общества, – как материальные, так и духовные. Не избежала подобной участи и гуманитаристика, в том числе, историческая наука, претерпевшая под его воздействием целый ряд серьезных изменений, приведших к трансформации всего ее традиционного облика. Вследствие усвоения постмодернистских инноваций была практически стерта грань между историей и литературой, поставлено под вопрос понятие исторической реальности, а вместе с ним и собственная идентичность историка, его профессиональный суверенитет. Разрушив границу между фактом и вымыслом, постмодернисты опровергли традиционно признававшиеся критерии достоверности источников, и, что самое главное, пошатнули веру в возможности самого исторического познания как стремления к объективной истине. Все эти эпистемологические нововведения, что вполне очевидно, имеют потенциально серьезные последствия для самого статуса профессии историка, а значит, требуют серьезного анализа и трезвой оценки.

Несмотря на утверждения некоторых теоретиков, что постмодернизм якобы уже «...утратил свои позиции и сегодня влачит довольно вялое существование», и что «в плане изучения тенденций развития современной историографии современные построения постмодернистов неинтересны»¹, проблема постмодернизма по-прежнему остается актуальной, одной из самых обсуждаемых в научных кругах на протяжении вот уже нескольких десятилетий. Так, некоторые специалисты с увлечением пишут о постмодернизме как «наиболее перспективном направлении в историографии»². Другие, напротив, указывают, что, несмотря на все их старания, «модные ныне постмодернистские веяния» остаются для них «чужими»³. Третьи выражают опасение, что «...доведенные до предела, постмо-

1 Филошкин А.И. «Постмодернистский вызов», «лингвистический поворот» и историческая наука [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://novist20w.narod.ru/lec-3-postmod.htm>, свободный. – Загл. с экрана.

² Проблемы исторического познания. – М., 1999. – С. 4.

³ Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. - М., 1997. – С. 12.

день остается предметом споров и дискуссий, осознать роль постмодернистских инноваций в формировании проблемного поля современной эпистемологии истории, а также выявить ряд потенциально важных эпистемологических инноваций, связанных с реализацией масштабного постмодернистского проекта деконструкции истории. Последние получают отражение в трудной смене поколений, интеллектуальных предпочтений и исследовательских ориентиров, а также самого языка истории. Осмысление и теоретический анализ комплекса указанных нововведений эпистемологического характера, в конечном счете, и определяют актуальность предпринимаемого исследования.

Степень разработанности проблемы. Поскольку логика изложения в работе выстраивается, исходя из противопоставления модернистского и постмодернистского интеллектуального проектов, чрезвычайно важным представляется осмысление специфики модернизма, на фоне которого ярче и отчетливее высвечиваются особенности его антитезы - постмодернизма. Сущность модернистской, или, как ее еще иногда обозначают сторонники новейшего постмодернистского веяния, «традиционалистской» историографии глубоко раскрыта в ряде работ отечественных авторов по теории исторического познания. Это труды Г.А. Антипова, М.А. Барга, И.А. Василенко, И.А. Гобозова, Б.А. Грушина, А.В. Гулыги, А.Я. Гуревича, В.А. Дьякова, Н.А. Ерофеева, Е.М. Жукова, В.В. Иванова, Г.М. Иванова, В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзона, И.Д. Ковальченко, И.С. Кона, Н.Е. Копосова, А.М. Коршунова, Э.Н. Лооне, О.М. Медушевской, Б.Г. Могильницкого, А.С. Панарина, Ю.В. Петрова, А.В. Полетаева, А.И. Ракитова, М.Ф. Румянцевой, О.Ф. Русаковой, И.М. Савельевой, А.И. Уварова, С.Л. Утченко, В.П. Филатова, В.К. Финна, К.В. Хвостовой, В.С. Шмакова и др. В некоторых из названных трудов (более поздних по времени) в общем виде затрагивается и проблематика новейшей постмодернистской историографии.

Существенные трудности, зачастую возникающие сегодня в контексте определения постмодернизма, уяснения его сущности и специфики во многом связаны с его потенциальной многоплановостью, вариативностью. Речь идет о том, что постмодернизм как таковой не является некоей единой, целостной теорией. Только в области философии он включает в себя целый спектр различных по своей направленности идейных течений, к числу которых наряду с постструктурализмом Р. Барта, Ф. Гваттари, Ж. Делёза, Ж. Деррида,

М. Фуко может быть отнесена французская «новая философия», представленная именами А. Глюксмана, Б.А. Леви, Ж.П. Долле, Г. Лярдро, К. Жамбе и др., близкие по духу к постмодернизму теоретические построения Р. Рорти, П. Вирилио, О. Маркварда, а также социологические теории Д. Белла и А. Тоффлера. Следует, однако, заметить, что как бы ни разнились между собой различные версии постмодернизма, вплоть до их полной альтернативности, они могут считаться не исключающими, а скорее, дополнительными друг к другу. Тем самым признается законность претензий каждой из них на равноправное и полноценное существование.

Непосредственно исследователями постмодернизма являются такие видные зарубежные философы и социологи как З. Бауман, Ж. Бодрийар, Дж. Ваттимо, В. Вельш, Э. Гидденс, У. Зоннеман, Ф. Джеймисон, Д. Кампер, П. Козловски, Ж.-Ф. Лиотар, М. Мюллер, И. Хассан и др. Среди отечественных исследователей, разрабатывавших сходную проблематику и, в том числе, постмодернизм в его историографическом ракурсе, можно особо выделить работы Р.М. Алейник, Л.И. Бородкина, В.В. Ветрова, О.В. Гавришиной, П.К. Гречко, В.А. Емелина, В.В. Зверевой, И.П. Ильина, С.В. Костова, М.А. Кукарцевой, А.А. Кусаинова, В.С. Малахова, М.А. Можейко, Н.В. Мотрошиловой, Л.П. Репиной, О.Ф. Русаковой, Н.А. Терещенко, Е.Г. Трубиной, А.И. Филюшкина, Т.М. Шатуновой, Ю.М. Шилкова.

Если же обратиться к истокам постмодернистского течения, следует отметить, что комплекс определивших его лицо инновационных тенденций вызревал постепенно, подготавливался долго и исподволь другими, предшествующими поколениями мыслителей. Так, «новая схоластика» в лице Э. Жильсона и Ж. Маритена возродила интерес к комментаторской методологии с ее этимологическими экскурсами и герменевтическими штудиями. Труды У. Куайна, К. Поппера, С. Тулмина, И. Лакатоса, Т. Куна и П. Фейерабенда пошатнули веру в возможность осуществления независимого научного наблюдения. Совокупными усилиями этих ученых было доказано, что поступательное движение познания есть лишь серия сменяющих друг друга точек зрения, возникающих в ходе корректировки исследовательских перспектив. Т. Адорно, М. Хоркхаймер и Ю. Хабермас развенчали утопию о нейтральности так называемой «объективной науки», показав тем самым, что ученые трансформируют ценности и идеологии в чисто технические проблемы и тем

самым маскируют собственные пристрастия и предпочтения. Постмодернистский сдвиг был во многом обязан своим происхождением и деятельности фикционалистов в области эстетики и литературоведения (Ж. Жанет, М. де Серто, Х. Блум, П. де Ман).

В сфере историографии постмодернистские нововведения связаны, в первую очередь, с именами Х. Уайта, Ф. Анкерсмита и Д. Ла Капры отстаивающими тезис о том, что беспредпосылочное толкование текста в принципе невозможно, – последнее есть такой же миф, как и беспристрастное научное суждение. Подобные воззрения, разумеется, сформировались не на пустом месте. Своеобразной идейной основой для возникновения постмодернистской историографии стали структурализм и выросший из его недр постструктурализм, содержащие в сжатом виде многие идеи, органично вписавшиеся затем в ткань собственно постмодернистского мировидения. Такова, к примеру, идея «смерти субъекта», постулирование дискурсивной природы человеческого знания и текстовой реальности, построение новых моделей смыслообразования, практика «открытого» чтения, преодолевающая прежние герменевтические и аналитические методики истолкования и т.п. Данные идеи были подробным образом проанализированы в научных трудах критического плана Н.С. Автономовой, В.П. Визгина, М.Н. Грецкого, И.П. Ильина, Т.А. Клименковой, Г.К. Косикова, И.М. Кутасовой, Т.А. Сахаровой, Р.П. Трофимовой.

Объектом исследования выступает постмодернистская версия современной философии истории.

Предметом исследования выступает эпистемологическая проблематика постмодернистской философии истории.

Цель и задачи исследования. Цель исследования состоит в осмыслении сущности и следствий внедрения в историческую науку методологических установок постмодернизма.

С реализацией поставленной цели связан ряд научно-исследовательских задач:

1. Проанализировать феномен постмодернизма как общекультурное явление и сложившуюся эпистемологическую традицию;
2. Осуществить анализ постмодернистской эпистемологии истории в ее концептуальном и методологическом аспектах;
3. Вскрыть дискурсивный и по существу нарративистский характер постмодернистской методики историописания;

4. Продемонстрировать специфику и инновационный характер эпистемологических стратегий постмодернизма на конкретных примерах.

Методологические основания исследования. Базовыми методологическими установками исследования являются принципы объективности и историзма. Для решения поставленных задач в работе используются также методы системного и сравнительного анализа. Их применение позволяет дистанцировать постмодернизм от модернизма, а также представить постмодернистскую философию как динамичную, развивающуюся систему взглядов, внутри которой сосуществуют противоречивые, а подчас и прямо противоположные позиции и точки зрения.

Базовым для анализа стал системный метод. В ситуации, когда постмодернизм неизменно воспринимается как нечто «размытое» и «неопределенное», данный шаг представляется вполне оправданным, поскольку помогает внести ясность в предмет рассмотрения и добиться четкости изложения материала. Структурируя с помощью системного подхода нестабильное по своему характеру поле постмодернистской философии истории, автор привлекает ряд общелогических рефлексивных процедур, в число которых входят анализ и синтез, классификация и типология.

Несмотря на подобный методологический «крен» в сторону модернизма, теоретической платформой исследования выступают работы классиков постмодернистской философской и исторической мысли – Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Делёза, Ф. Гваттари, Х. Уайта, Ф. Анкерсмита. Не менее значимыми в теоретическом плане представляются труды ученых, заложивших фундамент постмодернистского мировидения, подготовивших и обосновавших его базовые теоретические постулаты – Р. Барта, М. Фуко, Ж. Деррида.

Вариативность и плюральность мировосприятия являются неотъемлемой характеристикой постмодернистской картины мира. Ее отличают такие мировоззренческие принципы как нарративизм, ризоматичность, дискурсивность, интертекстуальность. Все они были приняты во внимание при обсуждении комплекса эпистемологических проблем современной философии истории.

Научная новизна исследования:

1. Феномен постмодернизма проанализирован как сложившаяся эпистемологическая традиция. Мировоззренческими основаниями последней признаны: тотальное недоверие к «метанаррациям»,

непрерывная дифференциация, фрагментарность, изменчивость, примат сингулярного над универсальным, установка на принципиальное многообразие познавательных перспектив, восстание против репрессивной функции Разума;

2. Выделены ведущие понятия и принципы постмодернистской философии истории. Главным из них является плюрализм. Уже непосредственно из него произрастают все иные эпистемологические конструкты: ризоматичность, деконструкция, децентрация, интертекстуальность, дискурсивность;

3. Специфика постмодернистской философии истории связана с признанием решающей роли языка в производстве исторического дисциплинарного дискурса. Вследствие этого в ней ставятся под сомнение: 1) существование объективной реальности, 2) представление о принципиальном отличии творчества историка от литературного творчества, 3) вера в возможность установления объективной истины;

4. На конкретных примерах (теоретические разработки Р. Барта, Х. Уайта, Ф. Анкерсмита) показано, что становление постмодернистского историописания связано с изменением статуса литературной формы исторического повествования. Форма дискурса, в которую отливается изложение исторического материала, во многом определяет содержание создаваемого им труда.

Положения, выносимые на защиту:

1. Постмодернизм как направление в философии представляет собой совокупность теорий, решающих следующий ряд задач: 1) критика принципов классического рационализма и традиционных ориентиров мышления; 2) интерпретация процессов, происходящих в современном обществе; 3) разработка основ нового мировидения, которое будет способствовать преодолению кризисных тенденций в культуре, ставших следствием воздействия на нее модернистских проектов;

2. Постмодернизм осуществляет инверсию традиционных эпистемологических представлений: вместо «древа» (познания) в качестве когнитивной модели постмодернистская парадигма приобретает облик «ризомы». Ризоматичный характер познавательного процесса требует разработки новых аналитических методик, в том числе, деконструкции, отбрасывающей «поверхностный» смысл текста ради смыслов менее очевидных. Возникающая при этом беспредельная свобода «прочтения» текстов ограничивается интертексту-

альностью, сводящей всю коммуникацию к свободной игре означающих;

3. Сущность «лингвистического поворота» заключается в следующем: 1) историческая реальность и объективность исторического познания создаются дискурсивной практикой и практикой рассуждений; 2) язык - не просто средство отражения исторической реальности, а главный смыслообразующий фактор, обуславливающий человеческое мышление и поведение; 3) историческое повествование - не точное воспроизведение картины прошлого, а одно из возможных, искаженное личностью повествователя и дискурсивной практикой его эпохи;

4. В соответствии с идейными установками постмодернизма, историки выдвигают не более чем интерпретации прошлого. Само историческое познание предстает как серия равноправных интерпретаций, не имеющих никакого отношения к исторической истине. Признавая и даже превознося множественность одновременных истолкований, в равной мере обоснованных или необоснованных, постмодернизм тем самым совершает большой шаг в направлении релятивизма.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Диссертационное исследование может оказаться полезным для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений. Его основные выводы могут использоваться при проведении дальнейших исследований по философско-исторической проблематике, а также в преподавательской практике при чтении лекций по философии истории, эпистемологии, а также историографии, источниковедению, методике и методологии исторических исследований. Содержание диссертации может быть оформлено в качестве самостоятельного спецкурса по постмодернистской философии или эпистемологии истории. Выводы работы могут привлекаться при подготовке учебных курсов по истории философии, социальной философии, философии культуры.

В целом, данное исследование является попыткой разобраться в сущности такого сложного и противоречивого явления современности как постмодернизм, осознать адекватность высказываемых в его адрес оценок и суждений.

Апробация работы. Результаты исследования докладывались в выступлениях на ежегодных научно-технических конференциях СГАСУ (2009-2010 гг.), Всероссийской научно-методической кон-

ференции «Гуманитарное образование в системе подготовки специалистов мирового уровня» (Самара, 2007 г.), Международной научно-практической конференции «Формирование новой экономики XXI века» (Пенза, 2009 г.).

Структура диссертации подчинена целям и задачам исследования. Работа состоит из введения, двух глав основной части, включающих 6 разделов, заключения и списка использованной литературы. Общий объем диссертационного исследования составляет 150 страниц. Список использованной литературы включает 224 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность исследования, раскрывается степень разработанности проблемы, обозначаются цель и задачи исследования, его объект и предмет, определяются методологические основания, научная новизна, теоретическая и научно-практическая значимость исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, дается общая характеристика структуры работы.

В главе 1. – «Постмодернизм как эпистемологический “вызов” современности» – феномен постмодернизма анализируется как широкое общекультурное явление и развернутая эпистемологическая традиция. С целью выявления и акцентировки наиболее существенных признаков, свойственных новейшей постмодернистской историографии в разделе 1.1. – «**Между модерном и постмодерном: идейные разногласия в контексте тенденции самоопределения**» - рассматривается антитеза модернизм / постмодернизм. На основании проведенного рассмотрения предпринимается попытка определить смысл понятия «постмодернизм», имея в виду его принципиальную «открытость», емкость и многозначность. Причины последней кроются не только в обширности и многогранности искомого феномена, – ведь постмодернизм связан с широким кругом явлений в самых разных областях культуры конца XX столетия – в искусстве, философии, науке, политике, – что уже само по себе создает известные трудности в его интерпретации. Главная проблема, на наш взгляд, состоит в отсутствии более или менее четкого представления о сущности постмодернизма, так что многие исследователи, не проясняя смысла данного понятия, просто наде-

ляют его удобным для себя значением. Пытаясь прервать эту сложившуюся традицию, автор, в первую очередь, обращается к этимологии термина.

Термин «постмодернизм» образуется с помощью приставки «пост-». Концепты, образованные таким образом, – постструктурализм, постпозитивизм, постиндустриализм и т.п. – примечательны тем, что они не указывают напрямую на свою сущность, свой предмет, а лишь фиксируют связь с содержанием непосредственно предшествующего понятия. Как правило, эта связь представляет собой своеобразное отрицание, которое, в отличие от диалектического или негативного отрицаний, состоит в том, что оно не преодолевает предшествующую форму, а ограничивает ее значение. Таким образом, понятия, начинающиеся с приставки «пост» не предполагают элиминации предыдущих состояний, – речь здесь идет скорее о переходе на новый качественный уровень с сохранением достижений предшествующего, причем последний в этом новом контексте уже теряет свое право на всеобъемлемость и исключительность.

Адекватное понимание смыслового содержания приставки «пост» имеет большое значение для раскрытия сущности постмодернизма, поскольку ограждает от возможного отождествления постмодернизма с антимодернизмом, что повлекло бы за собой полное отрицание рациональных категорий модернистской философии, и, в конечном счете, поставило бы под сомнение саму возможность научного анализа «ситуации постмодерна». В социально-историческом плане постмодернизм есть своеобразный коррелят «модерна» как эпохи, простирающейся приблизительно от начала Нового времени до середины XX столетия. Этот исторический, а значит и мировоззренческий «проект модерна» (Ю. Хабермас) обладает следующими отличительными чертами: 1) стремление к созданию универсальной картины мира, в рамках которой все многообразие окружающей действительности сводится к единым основаниям; 2) убежденность в доступности для человеческого разума абсолютно-го знания об этих основаниях; 3) стремление к полному воплощению этого знания в действительности; 4) вера в то, что подобная реализация будет способствовать улучшению человеческой жизни; 5) уверенность в поступательном, прогрессивном развитии человечества.

То, что понятие «постмодернизма» неразрывно связано со своим историческим предтечей – «модерном», заставляет задуматься над вопросом, когда же именно зарождается постмодернистское ми-

ровозрание? Где находится та хронологическая грань, которая разделяет две эпохи – «модерна» и «постмодерна»? Возникающие здесь неопределенности связаны с тем, что фактически невозможно четко обозначить время, когда модернизм уже отошел в прошлое, а постмодернизм в полной мере вступил в свои права. Проанализировав совокупность мнений по данному вопросу, имеющихся в отечественной и зарубежной профильной литературе, автор приходит к выводу, что становление постмодернизма как особого ощущения новых жизненных реалий начинается приблизительно с конца 60-х гг. XX в. Именно в это время происходит некий перелом в сознании людей, пусть пока еще до конца не осознанный теоретически и не обозначенный в качестве «постмодернистского», но, тем не менее, уже имеющий место как исторический факт, выражающий не единичные случаи, а скорее общую тенденцию умонастроений.

Вхождение постмодернистской эпохи в свои права представляет собой постепенный, длительный процесс и не является каким-то радикальным, хронологически четко обозначенным событием. Растянутое во времени, начиная с конца 60-х гг., оно продолжается вплоть до сегодняшнего дня. Современный постмодернизм – это специфическое мировоззрение, получившее широкое распространение в конце XX столетия, особое умонастроение, характеризующее самые широкие слои современной культурной жизни. Если же говорить о постмодернизме как о направлении в философии, или, иными словами, о постмодернистской философии, то под ней можно понимать совокупность различных теорий, в которых получают теоретическое обобщение основы постмодернистского мировидения. Задачи, которые ставят перед собой эти теории можно сформулировать так: 1) критика принципов классического рационализма и традиционных ориентиров мышления; 2) интерпретация процессов, происходящих в современном обществе; 3) разработка основ нового мировидения, которое будет способствовать преодолению кризисных тенденций в культуре, ставших следствием внедрения модернистских проектов.

В разделе 1.2. – «Концептуальный и методологический срезы постмодернистской философии истории» – постмодернизм трактуется как реакция, притом реакция весьма негативная, критическая на модернизм и просвещенческий разум, составляющий его ядро. Сторонники постмодернизма считают, что новоевропейская рациональность оказалась в итоге совершенно несостоятельной, что

все ее притязания – на открытие законов, на универсальность, на прогресс и, главное, на руководство человеческой жизнью, ее обустройством – так и остались на уровне притязаний, не более. На этом основании постмодернисты подвергли резкой критике все ключевые объяснительные принципы, схемы и парадигмы, разработанные западной научной мыслью за предшествующие века развития. Результатом стало, во-первых, тотальное «*недоверие в отношении метарассказов*» («больших нарратив» или «идеологий»), обосновывающих устойчивую целостность реального мира, легитимирующих, объединяющих и «тотализирующих» наши представления о действительности.

Во-вторых, постмодернистами была признана несостоятельной и изгнана из сферы научной методологии идея целостности и единства. Ее место занял форсированный *плюрализм*. Как следствие, взамен целого, единства, универсального знания и других отягощенных монизмом понятий постмодернизм выводит части, различия, дифференциации, индивидуации и прочие сингулярности, осмысливаемые в терминологии радикального или форсированного плюрализма. Такая инверсия резко, почти до неузнаваемости меняет всю мировоззренческую систему: любое явление окружающей действительности рассматривается здесь не в качестве целостной самости, а как множество несводимых друг к другу линий или изменений. Любой объект оказывается сложен из становлений, к тому же собранных в узел. В процессе анализа постмодернисты постоянно «переходят» с одного его уровня на другой, в результате чего возникают такие своеобразные постмодернистские конструкторы как «ломаная линия», «зигзаг» и т.п.

В постмодернизме ставятся под вопрос все бинарные оппозиции – общественный / частный, субъект / объект, образный / понятийный, процессуальный / непроцессуальный и т.д. Здесь нет никаких противоположностей – одно только *разнообразие*, в пределах которого все составляющие оказываются равноценными, одинаково важными и легитимными. Та же самая ситуация сплошного или однородного разнообразия наблюдается и в когнитивной сфере. Согласно постмодернизму, все наличное знание произрастает из ограниченных, относительных позиций и перспектив познающих субъектов. Ни одна из них не может считаться привилегированной, т.е. более истинной, чем другие, а значит, нет и не может быть никаких универсальных познавательных систем. Те же, кто претендует на их

создание, наделяют свои субъективные точки зрения явно инородной, уже не познавательной силой - к примеру, силой власти, авторитета, но никак не истины. Разнообразие действительности обуславливает разнообразие самого познавательного процесса, включающего самые разные позиции, точки зрения, постоянно меняющийся калейдоскоп субъектов-участников и т.д. Как видим, для постмодернистской эпистемологии характерна установка на принципиальное *многообразие познавательных перспектив*.

Данная установка дополняется критической деконструкцией большинства традиционных *эпистемологических* представлений. Так, если все предшествующие познавательные модели выстраивались по принципу «древа познания» (в них четко фиксировались направление эволюции, иерархия, структура, целостность и т.п.), то постмодернистская парадигма приобретает облик *«ризомы»*. Ризома – это разветвленная корневая система со множеством различных «узлов» и беспорядочно переплетающихся побегов, которые развиваются сразу во всех направлениях, регулярно отмирают и заново отрастают, находясь в состоянии постоянного обмена с окружающей средой. Это ползущий сорняк, который стелется по земле, перебираясь через все препятствия, пробиваясь сквозь асфальт, приживаясь между камнями. Ризома вторгается в чужие эволюционные цепочки и образует «поперечные связи» между «дивергентными» линиями развития. Она порождает несистемные и неожиданные различия, она разделяет и прерывает эти цепочки, бросает их и связывает, одновременно все дифференцирует и систематизирует.

Еще одним ведущим терминологическим обозначением постмодернизма, наряду с понятием «ризомы», становится *«децентрация»*, получившая детальную проработку в трудах Ж. Деррида. По мнению французского философа, любая структура предполагает фиксацию относительно некоторой центральной точки. Децентрация же – это попытка разомкнуть, рассеять структуру, сделать ее подлинно открытой. Децентрация предполагает пересмотр фундаментальных принципов модернизма и является первым шагом на пути формирования нового постмодернистского мировоззрения.

Еще одним понятием, введенным в постмодернистский концептуальный ряд Ж. Деррида, стало понятие *«деконструкции»*. Оценивая современное состояние философии как кризисное в связи с исчерпанностью ее классических форм, философ видит выход в новом методе – деконструкции, призванном расширить горизонты фило-

софской мысли. По мысли Ж. Деррида, европейская философия зашла в тупик именно потому, что не смогла найти выход из выбранного круга проблем, пытаясь постоянно отвечать на одни и те же вопросы. Философская мысль Запада оказалась тем самым «заключенной в карцер» своего категориального аппарата, жестко определяющего методологию познавательного процесса и смысловое наполнение любого рассматриваемого явления. Единственный адекватный способ преодоления навязанных реальности смыслов Ж. Деррида видит в их деконструкции, осуществляемой с помощью глубинного анализа языка. Это делает возможным свободное мышление, в котором нет никаких предписанных схем, а обретение смысла происходит лишь в процессе философствования. Деконструкция, таким образом, оказывается направленной на уничтожение «привнесенного», т.е. связанного с исторической и культурной традицией. Она нацелена против историзма, линейности, прогрессизма.

Эпистемологические нововведения, возникшие в рамках постмодернистской философии истории, имеют просто фатальные последствия для традиционных понятий и методик исторического исследования. Они легли в основу так называемого «лингвистического поворота», ставшего предметом рассмотрения в разделе 1.3 – «Лингво-семиотические и литературоведческие тенденции в современной историографии: от текстологии к нарративизму». В нем показано, что распространение новых приемов критики текстов за пределы собственно художественных произведений наложило существенный отпечаток на облик современной философии истории. Объектом анализа в ней теперь выступают равно *текст-первоисточник* и *текст-произведение* («исторический нарратив»), т.е. тот труд, в котором историк обобщает результаты своей научно-исследовательской деятельности. Основное внимание при этом уделяется эпистемологическому аспекту проблемы, а именно соотношению исторического нарратива с объективной реальностью прошлого: имеет ли историк право говорить «от имени прошлого», утверждая при этом объективность собственного видения?

Поскольку в рамках лингвистического подхода не признается иной реальности, помимо текста, а текст исторического нарратива (так же, как и первоисточника, используемого историком) дает лишь приблизительный очерк искомой реальности, цельность реальности прошлого становится недостижимой. Исходя из этого, постмодернисты отказываются от привычного понимания исторической исти-

ны, а некоторые из них вообще отрицают правомерность обсуждения данного вопроса. Как следствие, они отвергают и историзм в качестве базы исторической и всех прочих наук, имеющих текстуальную подоснову. Отличительной чертой постмодерна становится, в этой связи, безусловный *приоритет языка над опытом*, что приводит к открытому скептицизму в отношении способности человека наблюдать, познавать и истолковывать внешний мир – в том числе, мир человеческого бытия и взаимоотношений.

Изменяется и статус *литературной формы* исторического повествования. До недавнего времени эта форма казалась не более чем его внешней оболочкой, природа которой не затрагивала самой его сущности. Теперь же становится все более очевидным, что форма дискурса, в которую отливается изложение исторического материала, теснейшим образом связана с принципами его осмысления. Она, подчас помимо воли и сознания исследователя, во многом определяет содержание создаваемого им труда. На эту сторону дела как раз и обратили внимание ученые, с именами которых связывают сегодня «лингвистический поворот» в историографии.

Его лидеры (Х. Уайт, Ф. Анкерсмит, Д. Ла Капра и др.) сходятся во мнении, что историк (как в прошлом, так и в настоящем) вольно или невольно выстраивает свой текст, подчиняясь требованиям *риторики*, господствующим в его историческое время. Из непрерывного потока событий он вычленяет некий фрагмент, повествованию о котором придает определенную фабулу, и в результате этого по существу стирается грань между творением историка и художественным произведением. Исходя из этого, общую проблему научно-исследовательской деятельности в историографическом постмодернизме можно сформулировать так: в какой мере историк, претендующий на достоверное изображение прошлого, способен его реконструировать? А так как он, сам того не осознавая, находится в плену у литературного дискурса, не превращается ли на практике предпринимаемая им попытка реконструкции прошлого в создание некоего вымысла?

С точки зрения мыслителей-постмодернистов, ответ на этот вопрос очевиден: историки выдвигают не более чем *интерпретации* прошлого; само же историческое познание является не чем иным как *серией равноправных интерпретаций*, не имеющих ровно никакого отношения к исторической истине; время истории как бы удаляется из этих интерпретаций, – его подменяет современность. При-

знавая и даже превознося множественность одновременных истолкований, в равной мере обоснованных или необоснованных, постмодернисты тем самым делают большой шаг в направлении *релятивизма*. Релятивизм этот выльется впоследствии в тезис о принципиальной *невозможности проникновения в глубины прошлого*, что будет с предельной четкостью выражено у таких известных представителей постмодернистской историографии как Х. Уайт и Ф. Анкерсмит.

Их взгляды на существо работы историка становятся предметом рассмотрения в главе 2 – «**Опыт практического приложения эпистемологических методик постмодерна**». В ней же отмечается, что связанный с их именами «лингвистический поворот» произошел, разумеется, не на пустом месте: он был осуществлен в условиях, сложившихся, так сказать, извне – вне сферы профессиональной историографии, в других областях гуманитарного знания и, прежде всего, в лингвистике и литературоведении. Здесь постмодернистские инновации были связаны, в первую очередь, с именем Р. Барта, чьи взгляды получают освещение в разделе 2.1 – «**Проблема “эффекта реальности” в системе постмодернистского историописания (Р. Барт)**».

Здесь фиксируются два ключевых положения философии Р. Барта: 1) текст является исключительным средством выражения этических, идеологических и пр. взглядов его автора на реальность, о которых не подозревали ни автор текста, ни его потенциальный читатель; 2) реальность прошлого связана с так называемым «*эффектом реальности*», и в этом эффекте, вызванном к жизни *напряженностью*, существующей как внутри исторических текстов (например, между элементами текста и самим этим текстом), так и между ними, как раз и заключается реальность прошлого. Первое из двух указанных положений философии Р. Барта эксплицирует общее представление постмодернистского мышления о тексте как о единственно адекватном средстве, доступном субъекту для самореализации в пространстве современной культуры. Второй тезис связан с убежденностью мыслителя в *идеологическом и лингвистическом* характере исторического дискурса, который наделен уникальной способностью создавать *эффект реальности*.

Эффект реальности – это своего рода «референциальная иллюзия», которая замещает собой реальность. В этой связи Р. Барт указывает на роль очевидно незначущих деталей, которые часто фигурируют в сфере историописания. Они кажутся «скандальными» со

структурной точки зрения и появляются как своеобразная «роскошь нарратива». Однако их функция весьма существенна: она заключается в том, чтобы служить оружием реального против интеллигибельного. Эти, казалось бы, несущественные, ничего не значащие детали - «незначительные элементы текста» – Р. Барт называет *примечаниями* (notation). Им противопоставляются высказывания, имеющие непосредственное отношение к сюжету, к главной схеме повествования, которые обозначаются как *предсказания* (prediction).

По мнению Р. Барта, именно примечания, подчас вопреки нашим ожиданиям, воплощают в себе самую высокую степень совершенства, которой только способен достичь язык. Примечание есть то, что *есть*, т.е. непосредственно *само прошлое*, которое демонстрирует себя таким, каким и было в действительности. Предсказание же есть то, что *показано в тексте автором*, т.е. *значение*. Оно задумано и сконструировано самим историком, и потому не может достичь эффекта реальности. Поэтому истинная реальность прошлого, эффект его реального присутствия ассоциируется у нас именно со сферой *примечаний*, а не с предсказаниями, с совокупностью незначительных деталей, упоминаемых в тексте, а не со связным рассказом историка.

Однако самодостаточная, ничего сама по себе не значащая деталь может выполнять функцию создания эффекта реальности только на фоне связного повествования. Эффект реальности возникает лишь в силу наличия *контраста значения* (предсказания) и *означаемого* (примечания). И если такая оппозиция зафиксирована, то обнаружение эффекта реальности прошлого практически гарантировано, считает Р. Барт. Именно из этих внутритекстуальных отношений, а вовсе не из внешних по отношению к тексту взаимосвязей между событиями прошлого и их описанием, проистекает действенность детали. Поэтому имеет смысл говорить скорее об «иллюзии реальности», чем о ее эффекте.

Значимость теоретических разработок Р. Барта в области философии истории состоит в том, что историческая наррация рассматривается у него именно как акт *воображения*, как *литературный прием*. Но несмотря на исходно конкретный, а именно, литературоведческий контекст введения анализируемого понятия («эффект реальности»), его статус в рамках философии постмодернизма весьма высок. Его значимость во многом определяется тем, что в его содержание включена фундаментальная для постмодернизма пре-

зумпция трактовки онтологического статуса означаемого как *семiotически артикулированного*. Последовательная реализация этого проекта привела к формулировке предельно широких постмодернистских обобщений онтологического характера, связанных с трактовкой реальности в качестве «гиперреальности», объекта – в качестве симулякра и т.п.

Таким образом, поднятая французским ученым проблематика вызывает на серьезные размышления относительно сущности исторического познания и самого процесса создания (написания) исторических текстов. Работа в этом направлении продолжается и после Р. Барта, в частности, такими авторитетными представителями постмодернистской историографии как Х. Уайт и Ф. Анкерсмит, взгляды которых на существо работы историка анализируются в следующих разделах диссертационного исследования.

В разделе 2.2 – «Поэтика исторического дискурса в тропологической теории истории Х. Уайта» – рассматривается вопрос о том, какие именно механизмы лежат в основе производства исторического дискурса. Этот вопрос обсуждается на базе трудов известного американского философа истории Х. Уайта, первым среди «новых» философов сформулировавшего *лингвистический* механизм исторического познания. В своих рассуждениях он исходит из того, что язык накладывает на историческое повествование ограниченный набор риторических форм, предлагая те ли иные варианты построения сюжета, типы объяснительных моделей и идеологических стратегий. Неизбежный выбор в пользу одной из них предопределяет специфику различных интерпретаций исторических событий.

Развивая данную мысль, ученый стремится продемонстрировать наличие неких глубинных структур сознания и языка, обуславливающих риторичность всякой интерпретации. Используя работы великих историков и философов XIX в., он пытается выявить разработанные ими основополагающие характеристики различных типов мышления, а также понять, из каких именно идеальнотипических структур складывается реальная работа историка. В результате Х. Уайт создает *формалистскую «теорию работы историка»*, которая объединяет текстуальное содержание и дискурсивное выражение через ряд связанных между собой уровней. Это своего рода карта глубинной структуры исторического воображения XIX в., которая складывается из пяти уровней концептуализации исторического материала: 1) *хроники*, 2) *повествования*, 3) *сюжетного аргу-*

мента, 4) объяснительного аргумента, 5) идеологической импликации, а также особого уровня тропологической стратегии.

Комбинации типов сюжетности, объяснения и идеологии, по Х. Уайту, не произвольны: разные формы, выделенные в пределах указанных уровней интерпретации, не могут беспорядочно смешиваться в рамках одной и той же работы. Специфическая комбинация типов сюжетности, научного объяснения и идеологической импликации составляет *историографический стиль*, который подчиняется особой *интерпретативной стратегии*, которую Х. Уайт называет «*тропологической*». В контексте европейской культуры XIX в. ученый выделяет четыре таких *тропологических модели* (или «тропов поэтического языка»): 1) *метафору*, 2) *метонимию*, 3) *синекдоху*, 4) *иронию*. Сделав свой выбор в пользу одной из них, обусловленный особенностями индивидуальной языковой практики, исследователь истории, фактически, оказывается у нее в плену: типы сюжетности, научного объяснения и идеологической импликации комбинируются теперь в строгом соответствии с доминирующим тропом.

Примечательно, что, разрабатывая свою тропологическую концепцию, Х. Уайт сосредоточивается в ней только и исключительно на уровне исследования *исторического текста в целом*. Он не уделяет внимания проблеме соотношения исторического текста и непосредственно самого прошлого, которое в этом тексте представлено. Отсюда вытекает принципиальная невозможность решения эпистемологического вопроса о том, почему один текст может лучше репрезентировать прошлое, чем другой. Историческая теория Х. Уайта безразлична к проблеме репрезентационного успеха, она не предлагает руководящего теоретического принципа в выборе между альтернативными историческими текстами. Этот пробел пыгается восполнить голландский философ Ф. Анкерсмит в своей теории *нарративного успеха*, которая анализируется в разделе 2.3 - «От эпистемологизма к “радикальному историзму” (“новая” философия истории Ф. Анкерсмита)».

Свое видение особенностей исторического нарратива Ф. Анкерсмит суммирует в трех основных положениях: 1) *нарратив не является «картиной» или «образом» прошлого*, ибо не существует правил перевода, позволяющих получить «проекцию» прошлого на нарративном уровне его историографического представления; 2) *нарративная историография предлагает нам некоторую интерпретацию прошлого*, и эта интерпретация находит свое выражение в *нарративной субстанции*; 3) *имеется близкое сходство между нарративом и метафо-*

рой. И метафорические высказывания, и нарративы, по Ф. Анкерсмицу, определяют «точку зрения», с которой нам предлагается смотреть на реальность, т.е. на ту часть исторической действительности, которая привлекает к себе наше внимание. Такая «точка зрения» выражает предпочтительность того или иного набора высказываний об этой реальности, что позволяет определенным образом упорядочить наше знание о соответствующем фрагменте прошлого, включив его (т.е. знание) в связанное целое или единство.

В этом контексте неизбежно возникает вопрос о *качестве текстовой продукции*, который Ф. Анкерсмит считает определяющим для организации проблемного поля современной философии истории. Разрешая его в соответствии с *лингвистическими* параметрами создаваемых историками (прошлого и настоящего) произведений, ученый формулирует свою *теорию нарративного успеха*, позволяющую объяснить, что делает один исторический текст лучше и убедительнее другого. По его мнению, историческое повествование принадлежит сразу двум областям: т.к. оно состоит из высказываний, описывающих прошлое, оно принадлежит к области *буквальной истины*, т.е. к тому, что можно утверждать с помощью истинных высказываний о мире; если же историческое повествование рассматривать как целое, оно принадлежит к области *метафоры*. И чем сильнее метафорическое измерение по отношению к буквальному, тем лучше повествование как повествование.

Анкерсмитовская философия исторического нарратива примечательна также и тем, что она радикализирует и развивает традицию *историзма* XVIII в. Историзм в интерпретации Ф. Анкерсмита есть переход к постмодернизму, следовательно, *постмодернизм – это радикальный историзм*. Постмодернистам удалось вполне успешно преодолеть многие трудности, ранее стоявшие на пути историзма, однако этого еще недостаточно для констатации большей успешности постмодернизма (в сравнении с историзмом) в сфере реальной историографической практики. В действительности никакая историческая теория не обладает большим и заслуженным триумфом, чем историзм. Так что «новая философия истории» Ф. Анкерсмита не претендует на то, чтобы заменить собой историзм, и даже не является выработкой «маршрута» от историзма до постмодернизма. Она ставит целью разметку приблизительной и временной «карты местности», на которой могли бы успешно осуществлять научную деятельность сторонники как модернизма (историзма), так и постмодерна.

В Заключении подводятся основные итоги исследования, резюмируются его основополагающие выводы и результаты.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Публикация в издании,

рекомендованном ВАК Минобразования и науки РФ:

1. *Иванов, Е.А.* Плюральность как основополагающий принцип постмодернистской историографии / Е.А. Иванов // *Аспирантский вестник Поволжья*. – 2010. – №1-2. – С. 35-38. (0,3 п.л.).

Публикации в других научных изданиях:

2. *Иванов, Е.А.* Институты развития в экономике знаний / Е.А. Иванов // *Формирование новой экономики XXI века: Материалы Международной науч.-практ. конф.* – Пенза: Приволжский Дом Знаний, 2009. – С. 6-8. (0,2 п.л.).

3. *Иванов, Е.А.* Исторический процесс как предмет методологической рефлексии / Е.А. Иванов // *Философия. Наука. Культура*. Вып. 3: Сб. ст. слушателей, соискателей кафедры философии ИППК МГУ. – М.: Изд-во МГУ, 2009. – С. 82-90. (0,3 п.л.).

4. *Иванов, Е.А.* Гносеологическое своеобразие основных подходов к истории и возможность их синтеза / Е.А. Иванов // *Философия. Наука. Культура*. Вып. 3: Сб. ст. слушателей, соискателей кафедры философии ИППК МГУ. – М.: Изд-во МГУ, 2009. – С. 74-82. (0,3 п.л.).

5. *Иванов, Е.А.* Унитаристские концепции истории: методологическое своеобразие / Е.А. Иванов // *Философия. Наука. Культура*. Вып. 3: Сб. ст. слушателей, соискателей кафедры философии ИППК МГУ. – М.: Изд-во МГУ, 2009. – С. 91-97. (0,4 п.л.).

6. *Иванов, Е.А.* Циклические парадигмы в историософии: эпистемическое своеобразие / Е.А. Иванов // *Человек. Культура. Общество: Материалы Международной науч.-практ. конф.* – Пенза: Приволжский Дом Знаний, 2009. – С. 16-18. (0,2 п.л.).

7. *Иванов, Е.А.* Проблема «эффекта реальности» в трудах Р. Барта как предтеча постмодернистского историописания / Е.А. Иванов // *Философия. Наука. Культура*. Вып. 1: Сб. ст. слушателей, соискателей кафедры философии ИППК МГУ. – М.: Изд-во МГУ, 2010. – С. 39-47. (0,4 п.л.).

8. *Иванов, Е.А.* Феномен постмодерна: сущность, специфика, трудности теоретического и концептуального позиционирования // *Философия. Наука. Культура*. Вып. 1: Сб. ст. слушателей, соискателей кафедры философии ИППК МГУ. – М.: Изд-во МГУ, 2010. – С. 30-39. (0,4 п.л.).

Подписано в печать 12.11.10 Формат 60x84 /16.
Бумага писчая. Объем усл. печ. л. 1,1.
Тираж 110 экз. Заказ № 649.

Отпечатано в типографии
Чувашского государственного университета
428015 Чебоксары, Московский просп., 15